

УДК 81'367.622

Селеменова О.А.
(Елец, Россия)

**СТРУКТУРНЫЕ СХЕМЫ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
КАК СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА
«СОСТОЯНИЕ ПРИРОДЫ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

У статті розглядається синтаксичний спосіб реалізації концепту «стан природи» у сучасній російській мові. Автор зупиняється на аналізі компонентного складу спеціалізованих структурних схем, які вербалізують досліджуваний концепт, і лексичному наповненні їх компонентів.

Ключові слова: *концепт «стан природи», структурна схема простого речення, суб'єктив, предикатив.*

В статье рассматривается синтаксический способ реализации концепта «состояние природы» в современном русском языке. Автор останавливается на анализе компонентного состава специализированных структурных схем, которые вербализуют исследуемый концепт, и лексическом наполнении их компонентов.

Ключевые слова: *концепт «состояние природы», структурная схема простого предложения, субъектив, предикатив.*

The syntactic way of realization of the concept «state of nature» in modern Russian language is represented in this article. The author analyzes the contents of the specialized structural schemes and the lexical filling of the components of schemes, which represent the concept «state of nature».

Key words: *concept «state of nature», structural scheme of the simple sentence, subjective, predicative.*

Опираясь на когнитивное понимание языка как системы, аналогичной системе математической, состоящей из символов (цифры, буквы) и операций над ними, графически изображаемых на письме (плюс, минус, двоеточие, корень квадратный и т.п.), лингвисты видят **в лексемах и фразеосочетаниях** – *знаки, представляющие образы вещей, понятий, явлений, их совокупностей и множеств*, денотатами которых являются наблюдаемые в объективном мире или воображаемые, но мыслимые в качестве вещей или явлений сущности; а **структурные схемы простых предложений** определяют как *знаки разных видов отношений между этими сущностями*, наблюдаемые и оформляемые людьми в виде суждений [1: 4–5]. Описанию синтаксических структур, отражающих в концептосфере человека связи явлений или объектов реальной действительности, термилируемых для краткости **синтаксическими концептами**, – «бытие объекта», «бытие признака

© Селеменова О.А., 2011

объекта», «инобытие объекта», «самостоятельное перемещение агенса», «агенса воздействует на объект», «речемыслительная деятельность человека», «пациент претерпевает состояние», «небытие объекта», «поссесивность», «физиологическое и психологическое состояние одушевлённого субъекта (живого существа)», «агенса перемещает объект (АПО)», «процессуальность», «свойство», «создание объекта в результате физического труда», «память» и др. – посвящён ряд научных исследований (статей, монографий, диссертационных работ), выполненных на материале русского, английского, немецкого, французского языков [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12 и др.].

Свойственное русскому менталитету желание говорить о состоянии земной поверхности, атмосферных явлениях, специфики времён года [13] отводит особое место концепту «состояние природы» в национальной концептосфере и объясняет наше обращение к анализу языковых средств его объективации.

Знаками концепта «состояние природы» являются, прежде всего, структурные схемы безличных предложений, которые можно терминировать *специализированными* [3], т.е. предназначенными для реализации только исследуемого концепта: «**где есть каково**»² (*И опять стало слышно, что тихо, тихо ночью и на земле и на небе...* (Бунин. Суходол)); «**где самопроисходит**» (*В воздухе холодало с каждым днём* (Иванов. Вечный зов)); «**где пахнет чем**» (*– Да... В наших краях в это время уж весной пахнет...* (Чехов. Иван Матвеевич)); «**где действует чем откуда/куда**» (*Отовсюду несло славною и здоровою свежестью...* (Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги)); «**покрывает что (В.п.) чем**» (*Заволокло месяц тучами* (Мельников-Печерский. На горах)); «**где светит чем**» (*Вокруг неуверенно замерцало* (Павлов. Лунная радуга)).

Шесть перечисленных структурных схем по количеству входящих в них компонентов, определяемых двумя параметрами – формирующими пропозицию смыслами и содержательной структурой предикативной леммы, её морфологической природой, мы дифференцировали на три большие группы: *двухкомпонентные* («где самопроисходит»), *трёхкомпонентные* («где есть каково», «где пахнет чем», «покрывает что (В.п.) чем», «где светит чем») и *четырёхкомпонентные* («где действует чем откуда/куда»). Конститутивным компонентом пяти из них – «где самопроисходит», «где есть каково», «где пахнет чем», «где светит чем», «где действует чем откуда/куда» – выступает *вместилище состояния*, «не-личный, предметно-пространственный» субъект [14: 104], терминируемый нами «*локативным субъективом*» и маркируемый в процессе речевой реализации схем пространственными наречиями или соотносительными предложно-именными формами. Возможность природы в целом или какой-то её конкретной части быть носителем состояния отмечена в работах Г.А. Золотовой, З.Д. Поповой, В.Ю. Копрова, В.И. Казариной [14; 15; 10; 16 и др.].

Например: Тихо, мертвенно было *в природе* (Гейнце. Новгородская вольница); *Здесь всегда было сыро, прохладно и сумрачно* (Домбровский. Хранитель древностей) (ССП «где есть каково»); *Наконец лесок кончился, пришлось взобраться на небольшой обрыв...* *Здесь горячо пахло медовыми цветами* (Толстой. Хождение по мукам) (ССП «где пахнет чем»); *Темнеет в моём саду* (Шмелёв. Солнце мёртвых) (ССП «где самопроисходит») и др.

При речевой реализации структурных схем позиция *вместилища состояния* может оставаться незанятой в силу разных причин:

1) из-за смысловой избыточности, когда «носитель предикативного состояния ясен из контекста...: это одно из трёх лиц – участников/неучастников речевого акта, либо среда, окружающая говорящего или воспринимающего персонажа» [17: 274]: *Лохматый туман лежал по всей извиляющейся в зарослях речке и вился в прибрежных кустах. Было тихо, сыро* (ССПП «где есть какво») и *пахло мокрыми листьями* (ССПП «где пахнет чем») («на реке было тихо, сыро, пахло мокрыми листьями») (Толстой. Хождение по мукам) и под.;

2) приписывания изменений состояний природы неограниченному пространству [18: 26]. В этом случае локальный компонент трудно восстановить из контекста, он предстаёт расширенным, его можно соотнести со значением указательных наречий типа *здесь, там, всюду* [19: 39]. Подобное явление актуально для безличных предложений, в основе которых лежат структурные схемы «где самопроисходит» и «где пахнет чем»: *Сильно морозило* (Толстой. Пётр Первый); *Заметно смеркается* (Пришвин. Календарь природы) (ССПП «где самопроисходит»); *Пахло колодезной водой и глухой осенью* (Паустовский. Блистающие облака); *Пахнет полынью* (Неверов. Гуси-лебеди) (ССПП «где пахнет чем») и др.

Вербализация локативного субъектива «становится обязательной в случае сопоставления или противопоставления разных локусов» [14: 107]: *На дворе – бело* (ССПП «где есть какво»), *в небе вывездило меж летящих туч* (ССПП «где самопроисходит») (Толстой. Пётр Первый); *В то время как на берегу моря пасмурно и сыро* (ССПП «где есть какво»), *в горах ясно, сухо и тепло* (ССПП «где есть какво») (Афанасьев. Дерсу Узала) и др.

В структурной схеме «**покрывает что (В.п.) чем**» носитель состояния представлен словоформами (именами существительными в винительном падеже или местоимениями) со значением природных объектов, возможность которых выступать в этой функции обусловлена обыденными представлениями о любом пространстве как объектно-заполненном [20: 154]: *И горы, и бездны, – всё заволокло непроглядной мглой* (Чарская. Вторая Нина); *Зимой всю поляну снегом заносит...* (Мельников-Печерский. В лесах); *Небо затянуло, шел мелкий дождик, чайки, широко распластав крылья, с криком носились над Двиной* (Герман. Россия молодая) и др.

Второй компонент выделенных специализированных структурных схем – предикатив – не характеризуется с точки зрения морфологической выраженности однородностью. Он представлен:

1) безличными глаголами (структурная схема «где самопроисходит»): *Чуть светало, и в пасмурном воздухе обледенелый лес поблёскивал как стеклянный* (Паустовский. Северная повесть); *В котловине смеркалось...* (Ефремов. Дорога Ветров); *Уже светало; в сером небе появились голубоватые ямы, а на дне одной из них горела звезда* (Горький. Жизнь Клима Самгина) и др.;

2) личными глаголами в безличном употреблении (структурные схемы «где самопроисходит», «где пахнет чем», «где светит чем», «где действует чем откуда/куда», «покрывает что (В.п.) чем»): – *Штормит, – сказал Гвельтов. – Балла два, не меньше* (Гуляковский. Шорох прибоя) (ССПП «где самопроисходит»); *Густо и влажно пахло зеленью полей...* (Бунин. Деревня) (ССПП «где пахнет чем»); *После жаров вдруг дынуло холодом* (Шишков. Угрюм-река) (ССПП «где действует чем откуда/куда»); *Во многих*

местах среди гор вырвалось пламя, и теплом заволокло небо (Толстой. Аэлита) (ССПП «покрывает что (В.п.) чем») и др.;

3) словами категории состояния (структурная схема «где есть каково»): *С утра в степи было по-весеннему холодно и ветрено ...* (Бунин. Святые горы); *В степи было тихо и темно* (Горький. Старуха Изергиль); *А в голубом небе было спокойно...* (Андреев. Весенние обещания) и др.;

4) в единичном случае – фразеологизмом *глаз коли* ('очень темно') (структурная схема «где есть каково»): *Ночью – глаз коли* (Шолохов. Тихий Дон).

Третьим компонентом структурной схемы «где есть каково» выступает глагольная связка *есть*, специально обозначающая вид отношения между субъективом и предикативом [1: 8] и представленная в инварианте схемы нулём.

Например: *В воздухе, на солнце, было тепло, и тепло это с крепительной свежестью утреннего заморозка, ещё чувствовавшегося в воздухе, было особенно приятно* (Толстой. Война и мир). – Ср.: *Утро великолепное; в воздухе прохладно, солнце ещё не высоко* (Гончаров. Обломов) и под.

Третий компонент структурных схем «где пахнет чем», «где действует чем откуда/куда», «где светит чем» – источник запаха, веяния или света – представлен творительным падежом имени существительного: *Вокруг сильно, по-церковному, пахло нагретым кипарисом* (Паустовский. Бросок на юг) (ССПП «где пахнет чем»); *С полей уже тянуло теплом* (Бунин. Святые горы) (ССПП «где действует чем откуда/куда»); *Неожиданно в небесах вспыхнуло молнией...* (Липскеров. Сорок лет Чанчжоз) (ССПП «где светит чем») и под. В качестве необходимого элемента схемы «покрывает что (В.п.) чем» – выступает «стихийный каузатор» [14: 110], вызывающий определенное физическое состояние природы и маркированный также словоформой творительного падежа. В качестве средства воздействия он занимает объектную позицию и характеризуется нами как *объект-стихийный каузатор*, хотя данная квалификация не является общепринятой: например, В.С. Юрченко, Г.П. Дручинина, Н.К. Онипенко терминируют его «предметным» субъектом [21; 18]: *В ночь под Пасху небо затянуло черногрудыми тучами, накрапывал дождь* (Шолохов. Тихий Дон); *Небо заволокло непроглядными грядами туч* (Толстой. Хождение по мукам) и под.

Четвёртый компонент структурной схемы «где действует чем откуда/куда» – исходный/конечный пункт перемещения состояния – представлен предложно-именными словоформами (редко – наречиями): *Солнце уже довольно высоко стояло на чистом небе; но поля ещё блестя росой, из недавно проснувшихся долин веяло душистой свежестью, и в лесу, ещё сырм и не шумном, весело распевали ранние птички* (Тургенев. Записки охотника) и т.п.

Высокий процент предложений нашей выборки (около 70%), в основе которых лежат специализированные структурные схемы, т.е. предложений безличных, свидетельствует о наличии в русской языковой картине мира XIX–XX веков тенденции к особому *воспринимаемому типу восприятия*, когда весь окружающий мир изображается «с позиции соучастия, в режиме непосредственного контакта (ситуативность) и синкретично (целостно)» [22: 743].

Помимо перечисленных специализированных структурных схем, вербализация концепта «состояние природы» может осуществляться и *неспециализированными* структур-

ными схемами [3], под которыми понимают схемы, репрезентирующие иные концепты (например, «*бытие предмета*», «*самостоятельное перемещение агенса*», «*инобытие объекта*» и др.), но используемые и для объективации концепта «состояние природы»: «**где есть какое состояние**» (*Опять безмолвие* (Гончаров. Обыкновенная история)); «**что есть какво по состоянию**» (*Море было сонно, и далеко за мысом сверкал белыми надстройками палуб океанский пароход* (Паустовский. Этикетки для колониальных товаров)); «**что есть какое по состоянию**» (*Воздух пьяный* (Толстой. Пётр Первый)); «**что есть в каком состоянии**» (*– Донец был в разливе* (Бунин. Святые горы)); «**что погружается в какое состояние**» (*В свежести весенней степной ночи тонули поля* (Бунин. Кастрюк)); «**что находится в каком состоянии**» (*Море не замёрзло* (Паустовский. Золотая роза)); «**где нет какого состояния**» (*Каждый день с утра до вечера яркое солнце горячо нагревало землю, но засухи не было* (Мельников-Печерский. В лесах)); «**что есть погружено в какое состояние**» (*Всё повержено в какую-то меланхолическую тишину* (Эртель. Записки Степняка)) и т.п. «Рождение» таких неспециализированных структурных схем обусловлено заполнением позиции предикатива лексемами, в содержательной структуре которых содержится сема 'состояние'.

Совокупность структурных схем, предназначенных для репрезентации концепта «состояние природы», образует его синтаксическое поле, ядро которого формируют специализированные структурные схемы. Так, центр ядра представлен структурной схемой «где есть какво», которая, во-первых, маркирует основные признаки исследуемого концепта (*перцептивность, стихийность, локализованность, фазовость, временность, каузируемость, итеративность* и др.), во-вторых, является наиболее частотной в реализации. Остальная часть ядерного пространства заполняется другими специализированными структурными схемами с учётом их продуктивности реализации в речи. На периферии поля располагаются все неспециализированные структурные схемы, репрезентирующие иные концепты, но способные при наполнении предикатива лексемами, несущими «нужные» семы, выступать и знаками концепта «состояние природы».

ЛИТЕРАТУРА

1. Волохина Г. А. Синтаксические концепты русского простого предложения / Г. А. Волохина, З. Д. Попова. – Воронеж: Истоки, 2003. – 196 с.
2. Дедова О. М. Предложения обладания в медико-биологических текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Дедова Ольга Михайловна. – Воронеж, 2002. – 22 с.
3. Казарина В. И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке (к вопросу о его формировании): Монография / В. И. Казарина. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2002. – 225 с.
4. Булынина М. М. Глагольная каузация динамики синтаксического концепта (на материале русской и английской лексико-семантических групп глаголов перемещения объекта) / М. М. Булынина. – Воронеж: ВГУ, 2004. – 212 с.
5. Фурс Л. А. Синтаксически репрезентируемые концепты: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04; 10.02.19 / Фурс Людмила Алексеевна. – Тамбов, 2004. – 370 с.
6. Фёдоров В. А. Французские структурные схемы с глаголом avoir и их перевод на русский язык / В. А. Фёдоров // Вестник Воронежского государственного университета.

Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – №1 – С. 104–115.

7. Фёдоров В. А. Синтаксический концепт модуса источника сообщения во французском языке (на фоне русских переводных соответствий) / В. А. Фёдоров // Вестник Челябинского государственного университета. Серия Филология. Искусствоведение. – 2009. – №13(151). – С. 126–129.

8. Актисова О. А. Синтаксические средства реализации концептов в аспекте эволюции типов повествовательной речи (на материале описаний в романах «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского и «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова): дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 / Актисова Ольга Александровна. – Волгоград, 2006. – 174 с.

9. Пешехонова Н. А. Предложения со значением создания объекта в результате физического труда: структура, семантика и функционирование: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 / Пешехонова Наталья Алексеевна. – Елец, 2008. – 20 с.

10. Попова З. Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов / З. Д. Попова. – Воронеж: Истоки, 2009. – 210 с.

11. Бородина Н. А. Синтаксический способ репрезентации концепта «память» / Н. А. Бородина // Вестник Вятского государственного университета. Серия Филология и искусствоведение. Научный журнал. – 2009. – №3(2). – С. 61–64.

12. Рюкова А. Р. Структурная схема предложения как средство вербализации синтаксических концептов / А. Р. Рюкова // Вестник Башкирского университета. – 2009. – Т.14. – №4. – С. 1435–1438.

13. Курбатова С. А. Образы и представления мира природы в сознании русской языковой личности: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 / Курбатова Светлана Анатольевна. – М., 2000. – 21 с.

14. Золотова Г. А. Понятие личности/безличности и его интерпретация / Г. А. Золотова // Russian Linguistics. – 2000. – № 24. – С. 103–115.

15. Копров В. Ю. Сопоставительная типология предложения / В. Ю. Копров. – Воронеж: ВГУ, 2000. – 192 с.

16. Казарина В. И. Современный русский синтаксис. Структурная организация простого предложения: Учебное пособие / В. И. Казарина. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007. – 337 с.

17. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М.: Наука, 1982. – 366 с.

18. Дручинина Г. П. К вопросу об односоставном предложении / Г. П. Дручинина, Н. К. Онипенко // Русский язык в школе. – 1993. – №1. – С. 22–26.

19. Арват Н. Н. Семантическая структура простого (односоставного) предложения: Текст лекций / Н. Н. Арват. – Черновцы: ЧГУ, 1974. – 63 с.

20. Кобозева И. М. Грамматика описания пространства / И. М. Кобозева // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 152–162.

21. Юрченко В. С. Односоставные предложения: Лингвистические заметки / В. С. Юрченко // Русский язык в школе. – 1991. – №6. – С. 62–67.

22. Пименова С. Я. О типах восприятия в русском языке / С. Я. Пименова // Новое в когнитивной лингвистике: Материалы I Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 29–31

УДК 811.163.41'38"18/19

Ярмак В.І.
(Київ, Україна)

СЕМАНТИКО-ЕКСПРЕСИВНИЙ ПОТЕНЦІАЛ КОНЦЕПТУ „СИН” У СЕРБСЬКИХ, РОСІЙСЬКИХ І УКРАЇНСЬКИХ ФРАЗЕОЛОГІЗМАХ ТА ПАРЕМІЯХ

У статті розглядається амбівалентність сприйняття семантико-експресивного змісту концепту „син”, яку засвідчує порівняльний аналіз сербського, російського і українського фразеологічного й пареміологічного матеріалу.

Ключові слова: *концепт „син”, фразеологізм, паремія, асоціативні зв’язки, гендерна стереотипізація, еволюція мовної картини світу.*

В статье рассматривается амбивалентность восприятия семантико-экспрессивного содержания концепта „сын”, о которой свидетельствует сравнительный анализ сербского, русского и украинского фразеологического и паремнологического материала.

Ключевые слова: *концепт „сын”, фразеологизм, паремия, ассоциативные связи, гендерная стереотипизация, эволюция языковой картины мира.*

The article deals with perceptive ambivalence of semantic and expressive contents of the concept of «son» testified by comparative analysis of Serbian, Russian and Ukrainian phraseological and paremiological material.

Key words: *concept of “son”, phraseological unit, paremiological unit, associative links, gender stereo-standardization, evolution of linguistic world-image.*

Лексеми-назви спорідненості не випадково часто-густо фігурують у фразеології та пареміології усіх слов’янських народів, адже вони не лише підсумовують колективний етнопсихологічний досвід, а й свідчать про еволюцію мовної картини світу, „... виступають продуктивним засобом концептуалізації й вербалізації гендерного фактора (механізму) в мові, фіксуючи гендерну стереотипізацію, притаманну колективній свідомості, ... відображаючи в образній формі національно детерміновані оцінки й стереотипи, пов’язані з ... традиційним розподілом чоловічих і жіночих ролей у суспільстві” [1: 2]. Метою даною розвідки є порівняльний аналіз семантико-експресивного діапазону концепту „син” у фразеологізмах та пареміях споріднених слов’янських мов (сербської, російської, української), котрі, однак, репрезентують різні групи, відповідно, – південно- й східно-слов’янську. Слідом за професором Т. В. Радзівєвською концепт у найбільш загальному сенсі ми розуміємо як „... певну сукупність або конфігурацію смислів, що стоїть за мов-
© Ярмак В.І., 2011